

На правах рукописи

Наний Людмила Олеговна

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ПРОСТЕЙШИХ ФОРМ И РАЗМЕРОВ КИТАЙСКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена в аспирантской школе по филологическим наукам ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
РАХИЛИНА Екатерина Владимировна

Официальные оппоненты: **РУСАКОВ Александр Юрьевич**
доктор филологических наук, профессор
кафедры общего языкознания СПбГУ
(заведующий албанским отделением), ведущий
научный сотрудник ИЛИ РАН

РУКОДЕЛЬНИКОВА Мария Борисовна
кандидат филологических наук, заведующая
кафедрой восточных языков Института
лингвистики РГГУ, заместитель директора УНЦ
«Институт Конфуция РГГУ»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт востоковедения Российской
академии наук»

Защита состоится 26 мая 2016 года в 13:00 на заседании диссертационного
совета Д 002.006.03 в Институте языкознания Российской академии наук по
адресу: Москва 125009 Б. Кисловский пер., д.1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института
языкознания РАН по ссылке: <http://iling-ran.ru/main/theses/nanii>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 года.

Ученый секретарь совета

Сидельцев Андрей Владимирович

Общая характеристика работы

Целью диссертации является подробное описание устройства двух семантических полей ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ и ПРЯМОЙ – КРИВОЙ – КОСОЙ на материале двух языков, русского и китайского – с данными других языков в качестве типологического фона. Исследование выполнено в рамках работы над проектом «Типологически ориентированная база данных: лексическая организация качественных признаков» (поддержан грантом РФФИ) по методикам Московской лексико-типологической группы (MLexT). На основании всестороннего сравнения лексического материала китайского и русского языков в работе выявляются общие типологические закономерности в структуре конкретных языковых единиц. Важной составляющей работы является акцент на изучении переносных значений, развивающихся внутри этих микрополей. Поставленная цель предполагает:

- составление семантических сетей для выбранных лексем;
- выделение типов переходов и сопоставимых групп переходов с выяснением причин, обуславливающих сходства и различия между элементами этих групп;
- мотивированное сравнение природы переносных значений на базе описания исходных;
- составление лексико-типологических анкет, которые можно использовать при сборе данных об этих полях в других языках и для сравнения языков между собой.

Соответственно, **предметом исследования** в диссертации является поле со значениями простейших форм (*прямой, кривой, косой* и под.) и поле, отражающее один из основных размеров (*толстый, тонкий*) в китайском и русском языках. Важнейшим критерием выбора этих полей в качестве предмета исследования является базовость входящих в них понятий. Свидетельством их

когнитивной значимости служит то, что они входят в список Сводеша-207 наиболее исторически устойчивой лексики. Другая, не менее важная причина, отчасти связанная с первой – это богатый потенциал полисемии входящих в них лексем. Нас интересует вопрос о том, как этот потенциал реализуется в каждом конкретном случае.

Актуальность исследования

Понятия, обозначающие простейшие формы и размеры, в силу своей когнитивной значимости, очевидным образом являются релевантными для любого языка. Опыт предшествующих лексико-типологических исследований столь же релевантных для человека областей (ср. глаголы позиции [Newman 2002], глаголы плавания в [Майсак, Рахилина 2007], глаголы разрушения [Majid et al. 2008], глаголы боли [Брицын и др. 2009], температурные значения в [Kortjevskaja-Tamm 2015] и др.) показывает, что в этих полях тоже встречаются существенные расхождения между лексическими системами разных языков. Очевидно, что любые пилотные исследования на эту тему чрезвычайно актуальны – к ним мы относим и свою диссертацию.

Другой аспект ее актуальности в том, что, ввиду когнитивной значимости, и формы, и размеры способны развивать большое количество переносных значений. Если считать, что переносные значения, даже и стандартные, являются результатом языкового творчества, можно ожидать, что они могут значительно различаться для разных языков. Тем более интересным представляется провести подробный и тщательный сравнительный анализ систем значений соответствующих лексем хотя бы на примере двух языков с выявлением сходств и различий в устройстве семантических переходов. Сопоставительный анализ такого материала, особенно в области живой полисемии, которая подчиняется актуально действующим в языке законам, дает разнообразный и надежный материал для подтверждения семантических гипотез, первоначально сформированных, как правило, на базе родного языка исследователя.

Научная новизна исследования

Действительно, подавляющее большинство работ, так или иначе затрагивающих лексическую семантику формы и размера, были мооязычными и не были ориентированы на межъязыковое сравнение. В отношении поля прямизны-кривизны в русском языке укажем прежде всего статьи [Бабаева 2011], [Генералова 1999], а также главу монографии [Рахилина 2000: 162-168], в которой описывалась лишь некоторая часть этого поля. Статья [Cienki 1998], где использован материал нескольких языков (американский английский, русский, венгерский и японский), ограничена только метафорами слов со значением 'прямой', и в ней тоже рассматривается не вся система значений. Для нас существенно в том числе и то, что ни в одной из этих работ не учитывался материал китайского языка.

Что касается прилагательных размера, то это слишком обширная тема, чтобы быть исчерпанной: прилагательные размера образуют несколько полей (поле длины, высоты, глубины и др.), каждое из которых заслуживает отдельного описания с типологической точки зрения. Пока есть только работы самого общего плана, предлагающие методы исследования поля размеров в рамках различных теоретических подходов, ср. описание в рамках структурного подхода [Bierwisch, Lang 1989], с точки зрения топологической организации пространства [Рахилина 2000, 2010], анализ шведской системы в рамках когнитивного подхода с использованием теории прототипов [Vogel 2004], а также описания отдельных фрагментов системы размеров в конкретных языках: например, анализ итальянских прилагательных *alto* 'высокий' и *basso* 'низкий' в [Goy 2002] с применением 3D модели Марра. Отдельные глубокие замечания о наличии у малых полюсов шкал размера предельной точки и отсутствия таковой у больших полюсов были сделаны еще в книге Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974].

На материале русского языка есть несколько работ по тематике размера, например, работа про *большой* и *маленький*, а также все параметры

человеческого тела [Урысон 2006], анализ обозначений пространства в рамках теории прототипов и образных схем [Tribushinina 2008], когнитивный анализ конструкций сравнительного размера [Шеманаева 2008], исследование генитивных конструкций типа *высота X-а*, где X – носитель признака [Moehl 2012] и др. Мы же поставили перед собой задачу исследовать прилагательные данного семантического поля в контрасте с данными китайского языка. Причем в отличие от большинства работ, в которых изучается параметрическая лексика (в том числе [Тань 2004], где кратко описана китайская система размеров), мы будем рассматривать не только их основные, размерные значения, но и переносные.

Теоретическая значимость заключается в расширении наших знаний о структуре поля размеров и форм: в работе показаны релевантность топологических типов для различения лексем в зоне ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ, в том числе при метафорических сдвигах значений, пути грамматикализации и лексикализации в зоне ПРЯМОЙ и т.д.

Исследование двух достаточно широких зон лексики на материале языков, далеких с типологической точки зрения с другими языками в качестве типологического фона, позволяет по-новому взглянуть на проблемы описания лексики и дать ответ на вопрос о том, какие связи между значениями отражают общие типологические закономерности, а какие являются специфичными для каждого из рассматриваемых языков.

Практическая значимость. Полученные нами результаты могут быть полезны при разработке пособий по общей лексикологии и лексической типологии. Подробное описание значений и сочетаемости лексем китайского языка может помочь в переводе текстов различных жанров. Благодаря описанию структуры рассматриваемых полей материал обоих языков вошел в типологическую базу данных адъективной лексики, составляемую MLexT, которая может служить основой для составления многоязычных словарей нового типа и отчасти сама выступать в роли такого словаря.

Методология исследования. Отбор рассматриваемых лексем на начальном этапе работы проводился нами на основании данных двуязычных и толковых словарей, а также русских и китайских словарей синонимов и антонимов. С использованием этих материалов формировался список рассматриваемых лексем для каждого языка. Помимо словарей, для изучения сочетаемости исследуемых прилагательных использовались корпуса текстов. Для подтверждения точности и полноты, а также верификации и дополнения словарных и корпусных данных проводилась работа с информантами.

В результате для каждого языка для каждой единицы нашего списка была выстроена сеть связанных между собой значений. Мы также проанализировали базу семантических переходов А. Зализняка [Зализняк 2009, Zalizniak et al. 2012] и нашли в ней подтверждения релевантности основных семантических сдвигов в семантике этих единиц. Вместе они образуют сложную систему семантических противопоставлений, свойственных конкретной лексической системе – но одновременно отражающих универсальные, когнитивно значимые параметры, релевантные для человеческого языка в целом.

В поисках таких параметров проводился сравнительный анализ полученных систем. На основании этого материала были составлены лексико-типологические анкеты, описывающие таксономические классы слов, с которыми рассматриваемые лексемы теоретически могут сочетаться в тех или иных значениях – как прямых, так и переносных.

Положения, выносимые на защиту

1. Семантические зоны формы и размера демонстрируют значимость топологических типов имен для различения лексических категорий.
2. Структуры семантических полей размеров и форм в русском и китайском языках подтверждают универсальность принципа антропоцентричности при концептуализации семантических зон любого языка.

3. Данные обоих языков подтверждают релевантность метафорических переносов для понимания структуры лексической категории, а также мотивированность и воспроизводимость имплицативных переходов.

4. В обоих полях наблюдается асимметрия антонимичных рядов, но ее природа в поле ТОЛСТЫЙ-ТОНКИЙ существенно отличается от ПРЯМОЙ-КРИВОЙ.

5. Лексическое богатство и своеобразие китайского языка (наличие лексических комплексов – сложных слов, состоящих из первичных лексем – однословов) способствуют выявлению семантически смежных зон лексики за счет колексификации фреймов, принадлежащих разным семантическим полям, особенно в области абстрактных характеристик.

6. Противопоставления, которые действуют на синхронном срезе лексической системы, могут быть обусловлены диахронически.

Апробация

Доклады по теме диссертации были представлены на Международной конференции «Лингвистическая типология: методы и направления исследований» (Украина, Каменец-Подольский, 2013), X Конгрессе Ассоциации лингвистической типологии «ALT 10» (Германия, Лейпциг, 2013), II Международной научной конференции «Проблемы лексико-семантической типологии» (Воронеж, 2013), Десятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 2013), XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2014» (Москва, 2014), I Международной молодежной научно-практической конференции "Корпусные технологии и компьютерные лингвистические ресурсы в современной гуманитарной науке" (Нижний Новгород 2014), XI Международной конференции «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки» LESEWA-11 (Санкт-Петербург 2014),

Международной конференции «История русского языка и культуры» памяти В. М. Живова (Москва, 2014), Тенишевских чтениях (Москва, 2015).

По теме диссертации опубликовано четыре работы, в том числе три в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Введение представляет собой краткую характеристику работы: в нем описывается объект и материал исследования, перечисляются поставленные в нем задачи, обосновывается актуальность и новизна выбранной темы, определяется теоретическая и практическая значимость.

Первая глава посвящена краткому обзору особенностей китайской филологической традиции, а также теоретическим вопросам лексико-типологического описания языков.

Во **второй главе** теоретические задачи, представленные в главе 1, рассматриваются на примере части поля прилагательных размера, а именно наименее изученной зоны этого поля **ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ**. Описаны параметры, релевантные для различения китайских лексем этого поля.

В **третьей главе** рассматривается поле простейших форм на примере зоны **ПРЯМОЙ – КРИВОЙ – КОСОЙ**. Импликативные переходы, возникающие в этой зоне в русском и китайском языках, на первый взгляд кажутся специфичными. Тем не менее, с учетом материала других языков, они вполне поддаются типологическим прогнозам.

В **Заключении** приведены основные результаты исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **Главе I** рассматриваются теоретические проблемы лексической типологии и рассказывается о методике, на которую опирается наша работа.

Наш подход основан на идеях Московской семантической школы о мотивированности значения и сочетаемостных различиях как «ключе» к семантике лексемы. Исследуя сочетаемость квазисинонимичных слов одного семантического поля, можно определить различия в их семантике не только для одного, но и для многих языков сразу, построив четкую структуру прямых значений выбранного поля. Эта структура будет опираться на характерные для данного поля ситуации-фреймы, которые описывают соответствующие лексемы, противопоставляя их лексически или объединяя в одном слове. Такое структурирование семантической информации и составляет предлагаемый в [Рахилина, Резникова 2013] и других работах MLexT фреймовый подход, которому мы следуем.

Вклад фреймового подхода в методологию подобного рода исследований особенно заметен при сравнении его с алгоритмом составления семантических карт, предлагаемым Александром Франсуа [François 2008].

Для Франсуа семантические карты служат механизмом регистрации так называемой *колексификации*. Колексификацию он определяет как возможность совмещения близких значений в одной лексеме, и эта возможность отражается графически на семантической карте, которая является сетью значений, связанных между собой по определенным принципам. Основным принципом является способ расположения значений на карте: чем чаще два из них колексифицируются в языках мира, тем ближе они расположены и тем «непосредственной» соединены.

Легко видеть, что в целом подход А. Франсуа к типологическому анализу лексики достаточно близок к MLexT. Основное отличие от нашей методики состоит в том, что А. Франсуа берет в качестве «центра» или своего рода точки отсчета определенное словарное значение, воплощенное для него в какой-то конкретной лексеме конкретного языка, вокруг которого он и строит семантическую карту. Этот алгоритм имеет то важное преимущество, что он не требует корпусных исследований и работы с информантами: как и проекты по

грамматической типологии, он опирается на вторичные данные, уже зафиксированные в словарях.

Однако выбор в качестве «центра» *словарного значения* неизбежно связан с определенными проблемами. Например, в русском языке поле 'острый' представляет собой доминантную систему: прилагательное *острый* характеризует как объекты, имеющие хорошо колющий конец, так и объекты, имеющие хорошо режущий край (МАС, 1-е значение). Но в языках, в которых в этом поле система не доминантная, а классифицирующая, оно покрывается бóльшим количеством лексем, обычно лексически противопоставляя режущие инструменты и все остальные типы объектов [Кюсева 2012]. Если ограничиваться только словарным материалом и начинать типологическое описание с доминантной системы, то есть большой риск, что какие-то релевантные слова любого классифицирующего языка окажутся за пределами рассматриваемого поля.

Методика MLexT исходит не из слов и не из готовых словарных входов. В соответствии с ней в семантическом поле прежде всего выделяется максимальное число типичных ситуаций (фреймов), которые, как правило, выражены лексемами, относящимися к этому полю и по которым строится сопоставление лексики интересующих нас языков.

Таким образом, мы представляем поле не как гомогенный объект, который соотносится с одной лексемой, а как множество типичных ситуаций. Общая структура нашего поля не будет зависеть от того, какой язык мы берем в качестве стартового: язык, который распределяет фреймы этого поля по разным лексемам, или язык, в котором это поле представляется доминантным, т.е. описывается одной лексемой. Мы сравниваем два языка не исходя из их лексических единиц, а исходя из некоторого типологического представления о поле, и это вклад фреймового подхода в методологию такого рода исследований.

Преимущества фреймового метода демонстрируются на двух полях: на представителях зоны размеров ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ и представителях зоны простейших форм ПРЯМОЙ – КРИВОЙ – КОСОЙ.

С одной стороны, материал этих полей интересен для сопоставления именно в этих языках, потому что он в них очень разный. .

С другой стороны, размеры и формы тоже выбраны не случайно. Это связанные между собой категории: употребление параметрических терминов зависит от топологического типа объекта описания, а топология определяется в том числе и формой объекта.

В **Главе II** рассматривается семантическое поле ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ в русском и китайском языках. В китайском языке для различения лексем этого поля оказываются релевантными два признака: топологический тип объекта и связанный с ним признак антропоцентричности. Эти признаки различают типологически релевантные фреймы.

Уже давно при попытке определить сочетаемость прилагательных размера стала очевидной связь формы и размера предметов. М. Бирвиш и Э. Ланг в рамках структурного подхода описывают эту зависимость сложной системой признаков ([Bierwisch, Lang 1989; Lang 1995] и др.), при этом предлагая учитывать не только форму объекта, но и его ориентацию в пространстве. Большим шагом вперед в области исследования языковой системы размеров стало понятие *топологического типа* [Talmy 1983, 1988, 2000], которое Е. Рахилина применила к описанию семантики размеров [Рахилина 2000].

С этой точки зрения каждый объект внешнего мира представляет одну из нескольких эталонных форм – топологических типов (ПАЛКИ, ВЕРЕВКИ, КОНТЕЙНЕРЫ, СЛОИ и т.д.). Эти эталонные формы обусловлены функцией, дейктическими характеристиками объектов и некоторыми другим физическими свойствами. В свою очередь, каждый топологический тип обладает

определенным набором признаков, которые и определяют сочетаемость принадлежащих к нему объектов.

Например, незафиксированные в пространстве объекты нельзя охарактеризовать прилагательным *высокий*: **высокий гвоздь, палка, стрелка, веревка*. Зато прилагательное *длинный* используется как раз для обозначения таких объектов: *длинный гвоздь, палка, стрелка, веревка*, но не может сочетаться с некоторыми другими типами объектов: **длинное море, *длинная тетрадь*.

В поле ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ релевантны два основных топологических типа объектов: плоские объекты (СЛОИ) и вытянутые объекты (ПАЛКИ и ВЕРЕВКИ). Если в русском языке в поле ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ доминантная система, при которой они описываются одной парой лексем: *толстый* и *тонкий*, то в китайском языке для разных топологических типов объектов используются разные пары лексем: для описания диаметра ПАЛОК и ВЕРЕВОК употребляются лексемы 粗 cū ‘толстый’ и 細 xì ‘тонкий’ (ср. 粗树枝 cū shùzhī ‘толстая ветка’; 细棍棒 xì gùnbàng ‘тонкий шест’), а для описания толщины СЛОЕВ употребляются лексемы 厚 hòu ‘толстый’ и 薄 báo ‘тонкий’ (ср. 厚书 hòu shū ‘толстая книга’; 薄纸 báo zhǐ ‘тонкая бумага’).

Стоит отметить топологический тип ЗЕРНА / КРУПИНКИ, который, наоборот, совмещается в китайском языке с ПАЛКАМИ и ВЕРЕВКАМИ, т.е. описывается лексемами 粗 cū ‘толстый’ и 細 xì ‘тонкий’, ср. 粗沙 cūshā ‘крупный (крупнозернистый) песок’, тогда как в русском языке этот тип лексикализуется отдельно и описывается лексемами *крупный* и *мелкий* (ср., однако, *тонкий помол*).

Дополнительно к топологическому, в китайской языковой системе действует другой релевантный признак, вытекающий из свойств антропоцентричности языка, – а именно, одушевленность. Для описания живых существ в поле ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ используются отдельные лексемы: 胖

pàng ‘толстый’ описывает людей, ср. 胖男人 pàng nánrén ‘толстый мужчина’, 肥 féi ‘толстый, жирный; упитанный’ описывает животных, ср. 肥猪 féizhū ‘жирная свинья’, а 瘦 shòu ‘худой’ описывает худобу и людей, и животных, ср. 瘦女孩 shòu nǚhái ‘худая девочка’. Другие китайские лексемы этого поля не могут применяться к живым существам.

Использование особых прилагательных для описания размера человека – параллельно с доминантным словом, общим для людей и артефактов – вещь обычная для многих языков, ср. русские *худой, тощий, стройный, жирный, тучный, полный*. Как правило, эти альтернативные прилагательные оценочны, особенно в зоне ТОЛСТЫЙ. В китайском языке, однако, генерической лексемы нет ни в зоне ТОЛСТЫЙ, ни и в зоне ТОНКИЙ, а антропоцентрические не имеет оценки.

Впрочем, по нашим наблюдениям в китайском языке, как и в русском, сильна асимметрия в сочетаемости антонимичных полей: например, прилагательные со значением ‘толстый (о людях)’ употребляются гораздо чаще, чем их антонимы со значением ‘худой’.

Помимо прямых значений в работе подробно рассмотрены и переносные. Если сравнить полученные описания, можно прийти к выводу, что в китайском языке система переносных значений более «сбалансированная»: у антонимичных лексем в китайском языке больше симметричных значений, чем в русском.

Другой общий вывод состоит в том, что полностью совпадающих, тождественных метафорических значений в русском и китайском нет. Все близкие–метафоры имеют хотя бы небольшие различия в сочетаемости и семантике: ср. *тонкий голос vs. 细声 xì shēng ‘тихий и тонкий голос’*.

Тем не менее, общие тенденции переносов в двух языках (с учетом разницы в асимметрии полей для русского и китайского), прежде всего в зоне ТОНКОГО, очень похожи.

1) Лексемы, 粗 cū и 細 xì, которые в китайском языке описывают толщину палок и веревок, имеют переносные значения, связанные с голосом и внимательностью / тщательностью. В русском языке тоже есть похожие переносы, прежде всего в зоне ТОНКОГО: *тонкий голос; тонкий анализ, расчет.*

2) Лексемы 厚 hòu и 薄 báo, которые описывают толщину плоских объектов, образуют метафоры, связанные с концентрацией и количеством: 酒味很厚 jiǔwèi hěn hòu ‘*вкус-запах вина очень сильный*’; 厚利 hòulì ‘*большая прибыль*’. В русском языке тоже есть сочетания *тонкий аромат, вкус*, хотя *тонкий* в них значит скорее ‘изысканный’.

3) Лексема 瘦 shòu ‘худой’, как и 肥 féi ‘жирный’, может описывать не только людей, но и еду: 瘦肉 shòu ròu ‘*нежирное мясо*’. У 肥 féi есть также метафора на обозначение высокой прибыли, «наживы»: 肥差 féichāi ‘*прибыльное дело, доходное место*’. В русском языке у доминантных *толстый* и *тонкий* нет соответствующих переносных значений, так как у них нет компонента значения, связанного с наличием жира – они описывают только внешний вид объекта, ср. однако метафорику более близкой к 肥 féi лексемы *жирный*: *жирно будет, жирный куш.*

Расхождения между системами могут быть обусловлены диахронически. Так, исторически значение 粗 cū ‘толстый’ развивалось из значения ‘грубый’, совмещенного со значением ‘крупный’ (поскольку в значении ‘грубый’ 粗 cū описывало, прежде всего, необработанный рис, который, видимо, визуально крупнее «отборного»). Как это часто бывает, метафоры сохраняют предшествующее состояние языка, и мы видим целую зону унаследованных от ‘грубого’ значений, которых нет у лексемы *толстый* в русском языке. Таким образом, благодаря длительной письменной традиции мы можем проследить время появления метафор и заметить, что переносные значения, связанные с исходным ‘грубый’, начинают появляться раньше, и их, соответственно, больше.

Тем не менее, синхронно связь ТОЛСТОГО и ГРУБОГО типологически релевантна, и даже в РЯ ее можно «увидеть», если в параллель с синонимической парой *тонкий / высокий голос* рассмотреть *толстый / грубый голос*.

Особый раздел посвящен двуслогам зон простейших форм и размеров в китайском языке. Это отдельная задача, которая потребовала собрать значительный объем материала по корпусам и у информантов, а также расклассифицировать полученные данные. Результаты этой работы могут быть существенны для лексикографов, поскольку дают совершенно новый языковой материал, соответствующий современному состоянию языка, отличный от той информации, которая приводится в словарях.

Этот материал ценен сам по себе, но с типологической точки зрения он нужен еще и для выявления полей, семантически близких к полю ТОЛСТЫЙ-ТОНКИЙ. Особенность китайских двуслогов копулятивного типа состоит в том, что в них соединяются не любые однослоги, а близкие семантически. Семантика некоторых двуслогов с однослогами из поля ТОЛСТЫЙ-ТОНКИЙ расширяется за счет второй морфемы. Это позволяет определить смежные с выбранными нами семантические поля и получить данные для типологического исследования "семантической непрерывности" в признаковой зоне.

Глава III посвящена анализу семантического поля простейших форм на примере зоны ПРЯМОЙ – КРИВОЙ – КОСОЙ.

В первой части главы подробно рассматривается зона **ПРЯМОЙ**. Она кажется более сложной по сравнению с полем ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ из-за того, что основное исследование здесь касается не (в целом моносемичных) прямых значений, а сложных (в том числе имплицативных) сдвигов, которые дают большое число переходов в дискурсивную зону.

В работе показано, что исходным значением и в русском, и в китайском языке можно считать определенную форму предмета, а инвариантом

производных значений в обоих языках является идея непосредственной связи между двумя точками.

Это решение нетривиально потому, что признак формы прототипически характеризует единичный объект, тогда как (непосредственная) связь всегда устанавливается между какими-то двумя сущностями. В таком случае метафорическое отображение (mapping), оказывается не таким прозрачным, как должно быть при простом отображении исходной структуры в структуру-мишень.

Однако прямая форма подразумевает, что описывается вытянутый объект (т.е. такой, у которого длина / высота больше ширины и толщины), причем пространственно ограниченный. Последнее означает, что имплицитно в ПРЯМОМ все-таки есть идея двух крайних пространственных точек одного объекта – они и переинтерпретируются метафорически, приобретая новую концептуализацию.

Как показывает наш материал, в обоих языках примеры переходов такого рода распадаются на два направления метафоры:

1. Непосредственная связь: а) связь между точками пространства (маршрут, ср. 直航 zhí háng ‘*прямой рейс*’); б) связь между людьми и/или событиями (отношения и взаимодействия, ср. 直选 zhí xuǎn ‘*прямые выборы*’);

2. Откровенность: а) соответствие мыслям (речевое поведение, ср. 直言 zhí yán ‘*сказать прямо*’); б) характеристика человека (ср. 直性子 zhí xìngzi ‘*прямой характер*’).

Будучи мишенью метафоры, эти фреймы обнаруживают явное структурное сходство с исходной идеей прямой формы. Можно предположить, что такого рода «когнитивно прозрачные» переходы легко воспроизводятся в разных языках, и действительно, они обнаруживаются и в русском, и в китайском.

Однако семантические сдвиги могут быть сложнее простого метафорического отображения – например, за счет того, что значение мишени естественным образом усложняется благодаря так называемому имплицативному компоненту значения, который обозначает некоторую второстепенную ситуацию, при определенных обстоятельствах естественно следующую из основной. Тогда они необязательны и нетривиальны. Например, в **китайском** языке (но не в русском) реализован переход ‘непосредственная связь’ – ‘непрерывно, все время’.

雨	没有	停过,	直	下了	一	夜
yǔ	méiyǒu	tíng guò	zhí	xià le	yī	yè
дождь	NEG	остановиться.EX	прямо	спускаться.PERF	один	ночь

*Дождь не останавливался, лил всю ночь **напролет**.*

Этот переход – из пространственного значения формы во временное. Однако на фоне обычного Time is Space переход из непосредственной связи в непрерывность интервала кажется семантически непрозрачным – в отличие от стандартных переходов, в нем есть имплицативный компонент. Его можно было бы описать так:

Если связь между началом и концом интервала непосредственная, то внутри этого интервала нет перерывов, этот промежуток времени целиком заполнен.

За счет этого имплицативного компонента у китайского 直 zhí возникает значение 'непрерывно, все время' (кстати, у англ. straight тоже есть похожее значение, ср. *I have been listening to 'Shepherd Moons' for three days **straight***. «Я слушал ‘Shepherd Moons’ три дня напролет» (BNC); ср. также значения бесермянской лексемы veš’ak в [Козлов 2015].

Между тем, в **русском языке** развивается свое имплицативное значение ПРЯМОЙ, а именно ‘немедленный’ (*прямо сейчас*, ср. близкое англ. *straight away*). Имплицативная природа результирующего значения лингвоспецифична, но не означает абсолютной уникальности «мишеней» соответствующих

семантических переходов. Как свидетельствуют работы [Лучина 2014; Лучина, Наний 2016], специально посвященные типологии дискурсивных значений признака ПРЯМОЙ, в языках воспроизводятся и эти семантически сложные стратегии.

Вторая часть главы посвящена анализу зоны КРИВОЙ. В целом устройство полей ПРЯМОЙ и КРИВОЙ еще менее симметрично, чем полей ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ: понятий, обозначающих разного рода отклонения от ПРЯМОГО обычно больше, чем обозначающих собственно прямизну.

Русский язык (как и многие – если не все другие) лексически различает оценочное и безоценочное описание объекта в семантической зоне ФОРМА. Прилагательное *кривой* маркирует первое и невозможно при втором. С.М. Толстая в книге [Толстая 2008, с. 275] справедливо указывает на то, что «ни один словарь не обращает внимания на очевидно присущий семантике слова *кривой* (причем уже в его первичном, «физическом» значении) оценочно-нормативный компонент». Е.В. Рахилина также отмечает, что ‘кривой’ описывает отклонение не от прямой, а от *исходной* формы [Рахилина 2000, с. 162-167], и, следовательно, является отрицанием ‘прямого’ не всегда, а только в тех случаях, когда исходной действительно оказывается прямая форма, ср.: *кривые колонны, столбы, гвозди* и под. Т.е. *кривой* маркирует отклонение от *нормы*, а такое отклонение почти всегда оценочно.

Безоценочные прилагательные описывают, например, природные пространственные объекты, такие как русло реки, тропинка, берег и под., которые обычно вообще не имеют канонической формы, а значит, не имеют и отклонений от нее. Их способ лексикализации различается в зависимости от того, один у них изгиб (ср. *изогнутый*) или много (ср. *извилистый*). У этих прилагательных нет ни пресуппозиций относительно канонической формы объекта, ни ярко выраженного функционального компонента значения.

В китайском языке структура этого поля очень похожа на русскую: противопоставлены исходно оценочное 歪 wāi ‘кривой, перекошенный’ и безоценочные слова, характеризующие прежде всего **вытянутые природные объекты** (и некоторые артефакты) **непрямой формы**. Сочетаемость однослогов китайского языка сильно уже, поскольку их в современном языке вытесняют двуслоги, но аналогом русского *изогнутый* можно считать однослог 弯 wān. В его сочетаемость входят слова, обозначающие артефакты продолговатой формы (*нож, трость, труба*), созданные человеком объекты, имеющие топологию линии (*дорога, канава*) и слова с более общим значением (*место, форма*)

Аналогом русского *извилистый* в древнекитайском был однослог 曲 qū, у которого в современном языке не осталось свободной сочетаемости, но это его значение сохранилось в некоторых устойчивых сочетаниях, ср. 曲径 qū jìng ‘*извилистая тропа*’.

Двуслог 弯曲 wānqū, описывающий вытянутые природные объекты (и некоторые артефакты) не прямой формы в современном китайском языке, и состоящий из однослогов 弯 wān ‘изогнутый’ и 曲 qū ‘извилистый’, немаркирован в отношении количества изгибов (но по-прежнему противопоставляется оценочному 歪 wāi).

Метафоры безоценочной зоны НЕПРЯМОГО развиваются очень похоже, производя значение, которое можно было бы описать как ‘непрямой путь достижения цели’, ср. русск. *извилистый путь, извилистый разговор / рассуждение / ход мыслей*. Однако есть и различия: в русском его источником становится идея *многократного* изгиба *извилистый*, тогда как прилагательное со значением *однократного* изгиба *изогнутый* вообще не имеет метафор. В китайском, наоборот, метафоризируется лексема 弯 wān с исходным значением ‘изогнутый’ (ср. 弯路 wānlù (*перен.*) ‘*окольный, извилистый путь*’), тогда как 曲 qū ‘извилистый’ в сочетании с ‘*путем*’ (вернее, сохранилось только сочетание с ‘*тропинкой*’ – 曲径 qūjìng ‘*извилистая тропа*’) имеет только прямое значение.

Метафоры в зоне ‘кривого’ – это устойчивые, застывшие метафорические формулы, фиксирующие отклонения от принятой в обществе нормы – прежде всего, нормы логики, здравого смысла и истины, а также морали, с явно выраженной отрицательной оценкой. Они реализуются и в русском, и в китайском, ср. рус. *кривой человек/ душа, кривая дорожка* и кит. 歪念头 wāi niàntou ‘дурная мысль’, 歪路 wāi lù ‘кривая дорожка’.

В работе подробно исследуются корни современной русской метафоры ‘кривой как плохо функционирующий’ (*Вообще задумка фильма хорошая, но передано это всё как-то криво. [Яндекс.Блоги]*). Этот семантический сдвиг можно считать особенностью русского языка по сравнению с китайским: в китайском ни 歪 wāi ‘кривой, перекошенный’, ни другие лексемы поля кривизны не развивают подобного значения.

Особый раздел, как и в Главе II, посвящен описанию и классификации продуктивных двуслогов поля ПРЯМОЙ-КРИВОЙ; в § 5, содержащем выводы, обобщаются результаты классификации. Показано, что их семантика практически целиком укладывается в семантику ПРЯМОГО-КРИВОГО, не расширяя этого поля и оставляя его относительно изолированным.

В **Заключении** формулируются достигнутые результаты.

Исследованный в диссертации языковой материал вносит существенный вклад в обсуждение следующих типологических проблем:

1. Значимость топологических типов имен для концептуализации пространственных категорий;
2. Универсальность принципа антропоцентричности;
3. Релевантность метафорических переносов для понимания структуры лексической категории;
4. Мотивированность и воспроизводимость имплицативных переходов;
5. Асимметрия антонимических полей;
6. «Лексическая непрерывность» и принципы колексификации семантически связанных полей

7. Роль диахронических факторов в формировании лексических оппозиций внутри семантического поля.

Подводя итоги, обобщим полученные результаты с точки зрения этих сюжетов.

(1) Обе рассмотренные нами зоны концептуализуют пространство и отчетливо демонстрируют **значимость топологических типов** имен, представляющих устойчивые кластеры признаков пространственной ориентации и формы объекта (ПАЛКИ, ПОВЕРХНОСТИ, КОНТЕЙНЕРЫ, СТОЛБЫ и под., подробнее см. [Рахилина 2000]). В зоне ПРЯМОЙ – КРИВОЙ стратегии русского и китайского сходятся: оба языка выбирают для лексического маркирования типы ПАЛОК и ВЕРЕВОК и практически исключают поверхности – в особенности это касается природных ПОВЕРХНОСТЕЙ. В обоих языках ПОВЕРХНОСТИ становятся преимущественным объектом лексикализации для признаков слов смежной с ПРЯМЫМ зоны РОВНЫЙ. Данный результат открывает горизонты для последующих широких типологических исследований, которые бы выявили возможности семантической вариативности для языков мира в этом отношении.

Зона ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ – это пример расхождения стратегий лексификации двух языков. Русский воспроизводит доминантную стратегию основных европейских языков: в нем каждый из антонимичных признаков выражен одной и той же лексемой (*толстый / тонкий*) независимо от топологического типа. В то же время, в других размерных зонах факт релевантности топологических типов для поля размеров хорошо известен – но прежде всего для ширины и глубины, а также высоты. Наши данные говорят о том, что он подтверждается даже и для его наиболее периферийного участка поля размера, а именно, поперечного размера ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ. В китайском языке топологический тип ПАЛОК и ВЕРЕВОК лексически противопоставлен по признаку толщины ПЛОСКИМ ОБЪЕКТАМ (ср. 粗铁丝

cū tiěsī ‘толстая проволока’ / 细棍子 *xì gùnzi* ‘тонкая палка’ VS. 厚木板 *hòu mùbǎn* ‘толстая доска’ / 薄纸 *báo zhǐ* ‘тонкая бумага’).

Эти данные не только подтверждают релевантность топологических типов для концептуализации пространственных категорий, но и ставят новые вопросы об универсалиях в лексике.

(2) Разобранный в диссертации материал еще раз демонстрирует общезначимость **принципа антропоцентричности** при концептуализации семантических зон любого языка.

В зоне ПРЯМОЙ – КРИВОЙ мы видим косвенное (но вполне убедительное) ему подтверждение: в обоих языках эти признаки функциональны. Это значит, что они применимы, прежде всего, к прототипическим артефактам или близким к ним классам объектов, которые с **точки зрения человека** имеют ясную функцию, связанную с идеей прямизны, и в зоне КРИВОГО маркируют отклонение от нее (ср. дороги, доски, линии, а также некоторые части человеческого тела – например, ноги, – стволы деревьев и под., но не: русло реки, форма горы, лесной тропинки, человеческого тела и под.).

В размерной зоне антропоцентричность касается не только вертикального размера (ср. англ. *tall-high*), но и исследованного нами поперечного. В отличие от русской системы, где специально маркируется только малый поперечный размер человеческого тела (ср. *худой*), в китайском лексически противопоставлены одушевленные и неодушевленные субъекты и для малого, и для большого поперечного размера, ср. 瘦姑娘 *shòu gūniang* ‘худая девушка’ VS. 胖孩子 *pàng hái zi* ‘толстый ребенок’, а также 肥 *fēi* ‘толстый, жирный (о животных)’. Важно, что никакие другие китайские лексемы с исходным значением ‘толстый’ и ‘тонкий’ не могут использоваться для описания людей.

(3) Проведенное исследование подтверждает и высокую **релевантность метафорических переносов** для установления системы основных противопоставлений внутри семантического поля.

Как показывают лексико-типологические исследования группы MLexT, семантика исходного фрейма определяет стратегии семантических сдвигов и ввиду этого, как правило, порождает свою группу метафор. Эта гипотеза нуждается в проверке с привлечением новых эмпирических данных: каждое поле в каждом языке имеет свои особенности в этом отношении. Действительно, русская система поперечных размеров не дает здесь нужного материала ввиду доминантности, однако классифицирующая китайская подтверждает это распределение, ср.: 粗 cū / 细 xì (ПАЛКИ и ВЕРЕВКИ) -> 'толстый / тонкий голос'; 'толстое / тонкое сердце (внимательность)'; 厚 hòu / 薄 báo (СЛОИ) -> 'толстый / тонкий запах / вкус', 'толстая прибыль'; 肥 fēi 'жирный' / 瘦 shòu 'худой' > 'жирное / постное мясо', ср. также характерный для этой лексемы метонимический перенос на одежду: 瘦袖 shòu xiù 'узкие рукава (< для худых рук)'. Таким образом, китайская лексика поперечных размеров дает примеры классических базовых метафор, прозрачных по своей семантике и распределенных по основным исходным фреймам – и само это распределение служит подтверждением заданной структуры исходных значений. Реализованные в китайском языке переходы могут стать основой фрагмента типологической анкеты для метафор размера.

(4) Прозрачное соотношение исходного и производного значения, при котором свойство конкретного физического объекта переносится на (тем самым овеществленную) абстрактную сущность (как запах, вкус, звук или свойство 'быть внимательным') вовсе не исчерпывает возможные типы соответствий между исходными и производными лексическими значениями. Как показывают результаты MLexT, более сложные в семантическом плане соотношения возникают благодаря **имплицативному компоненту**, родственному тому, который действует в ходе процессов грамматикализации (см. [Reznikova et al 2012]). Переходы, осложненные имплицативным компонентом, более лингвоспецифичны – в принципе, подтверждение их типологической релевантности требует широких сопоставительных исследований со значительным и разнообразным охватом лексики разных языков. Между тем,

поле ПРЯМОГО представляет почти уникальную возможность для системного исследования такого рода переносов: большинство сдвигов этого поля имеют именно такую, имплицативную природу, и только три – семантически прозрачны. Как показано в диссертации, семантически прозрачные переходы, совпадают в русском и китайском – в отличие от особенных для каждого из этих языков имплицативных – и это, в принципе, ожидаемо. В то же время, свойственная ПРЯМОМУ повышенная частотность имплицативных сдвигов позволяет нам обнаружить воспроизводимость их механизма, описанного в диссертации, в других языках – в частности, английском и бесермянском [Козлов 2015].

(5) Семантическое поведение рассмотренных **антонимических рядов** тоже очень показательно с типологической точки зрения. В обоих случаях поля асимметричны, то есть, как показано в нашей работе, сочетаемость с существительными-носителями признака у них не вполне совпадает. Однако природа асимметрии ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ существенно отличается от таковой в поле ПРЯМОЙ – КРИВОЙ: в первом случае это эквиполентные признаки с независимым значением, тогда как во втором оппозиция привативна: семантика КРИВОГО отрицает ПРЯМИЗНУ. С.М. Толстая (2008: 275-289), описывая ‘кривой’ в славянских языках, подчеркивает каритивную природу КРИВОГО применительно к артефактам и некоторым другим смежным классам объектов (например, частям тела). Основанием для такой интерпретации является в этом случае функциональность прямизны, а лингвистическим свидетельством отчетливая отрицательная оценка метафор, восходящих к каритивам – в отличие от нейтральных метафор в эквиполентных парах ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ. Ср. здесь характерное и общее для русского и китайского значение-мишень ‘отклонение от норм морали, логики’ (*кривой* и 歪 wāi ‘кривой’).

Периферийные прилагательные зоны КРИВОГО, которые описывают природную кривизну (как русское *извилистый* и сходное с ним 曲 qū), а не отклонение от исходной формы, демонстрируют эквиполярность и в основном

лишены отрицательной полярности не только в прямых, но и в переносных значениях, ср. русск. *извилистый* и кит. 弯 wān ‘изогнутый’ в значении непрямого пути достижения цели.

(6) Одно из важнейших свойств организации лексических значений можно назвать **непрерывностью, или связанностью полей** за счет колексификации фреймов, принадлежащих разным семантическим зонам. В теоретическом плане оно практически не изучено: это метонимия, возникающая не за счет смежности участников одной и той же ситуации (подробнее анализ метонимии с этой точки зрения см. прежде всего [Падучева 2004]), а за счет смежности самих ситуаций. В признаковой зоне это свойство поля тоже проявляется, и с когнитивной и типологической точки зрения представляет бесспорный интерес, однако методики системного поиска точек непрерывности пока нет. Действенный механизм их (хотя бы частичного) отслеживания представляют китайские двуслоги, в которых происходит сложение корней, близких по своей семантике. Таким образом, значения, выраженные в одном двуслоге с равноправным типом связи между элементами, могут претендовать на семантическое сходство.

В нашей диссертации рассматривался материал не только односложных, но и двусложных китайских признаковых слов – таким образом, до определенной степени мы можем охарактеризовать исследуемые в работе признаки в отношении непрерывности. Любопытно, что в этом отношении ПРЯМОЙ – КРИВОЙ и ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ реализуют разные стратегии. ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ демонстрирует связь с другими смежными физическими характеристиками объектов (ср. ГРУБЫЙ, ШИРОКИЙ или НЕЖНЫЙ, МЯГКИЙ). ПРЯМОЙ – КРИВОЙ – практически единственные признаки, которые характеризуют форму объекта, а форма, как свидетельствуют типологи – достаточно редко представленное в языках свойство и, по-видимому, достаточно изолированное семантически: имеющиеся в китайском двуслоги только уточняют и сужают эти признаки, а не совмещают с другими.

Представляется, что полученный результат ценен для типологических исследований: в дальнейшем предстоит не только убедиться в типологической релевантности точек непрерывности, включив в анкету соответствующие вопросы, но и подтвердить или опровергнуть идею изолированных полей – исследовав в том числе и связанность признака ПРЯМОЙ на представительной выборке.

(7) Наконец, наше исследование дает материал еще для одного аспекта лексико-типологических исследований, а именно, **связи диахронии и синхронии**. Он показывает, что те противопоставления, которые действуют на синхронном срезе лексической системы, могут быть обусловлены диахронически. Прежде всего это важно для метафор, которые отражают предыдущий этап развития системы. В частности, целый ряд китайских метафор в зоне ТОЛСТЫЙ обусловлен характерным для лексемы 粗 сǔ переходом ГРУБЫЙ ⇐ ТОЛСТЫЙ и восходит к исходной семантике ГРУБОГО (ср., например, 粗声说道 cūshēng shuōdào ‘сказать грубым голосом’). Иногда диахронические «осколки» предыдущей системы нарушают порядок синхронной (ср. здесь метафору русск. *кривые руки* и под. случаи, разобранные в соответствующих главах работы). В этом случае диахроническая составляющая помогает достроить непротиворечивую типологическую модель семантических оппозиций и сдвигов.

Таким образом, сопоставление далеких во всех отношениях языков – русского и китайского – демонстрирует общие когнитивные механизмы, лежащие в основе устройства рассмотренных полей и релевантных для них семантических сдвигов. Установить эти механизмы нам помогла типологическая ориентированность нашего исследования. С другой стороны, как мы показали, рассмотренный в диссертации материал сам вносит существенный вклад в проблематику лексической типологии, уточняя и расширяя круг ее задач.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

Наний Л.О. Прилагательные со значением ‘толстый / тонкий’: русский vs. китайский. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2014. – С. 3-15.

Наний Л.О. Направления развития переносных значений лексем с исходным значением ‘прямой’ (в русском, английском и китайском языках). // Научно-техническая информация. Серия Информационные процессы и системы. – 2014. – № 8. – С. 29-39.

Наний Л.О. Направления развития переносных значений атрибутивных лексем семантического поля кривизны (в русском, английском и китайском языках). // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». Том 17. – 2015. – С. 38-54.

Статьи в других изданиях

Рахилина Е.В., Наний Л.О. О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. (принята к печати)